

4. Верди Д.
5. Аида
6. Москва Большой театр

"Аида"
З.м.т. Верди

28.1.98
Москва
Большой театр

1 Большой театр. 1998. - 27 янв.
«Аида», 14 января

«Аида» 14 января выглядела как премьеры — столько своего, непривычного, внесли в спектакль впервые вышедшие в главных партиях М. Лапина (Аида), М. Давыдов (Радамес) и М. Шугова (Амнерис). Заявленных в афише новых исполнителей А. Абдразакова (Царь Египта) и В. Сногovenko (Рамфис) заменили уже замечательно освоившиеся в этих ролях П. Глубокий и Т. Мартирозян.

Поначалу все казалось обычным — М. Давыдов, как и многие Радамесы до него, мечтал о подвигах и славе во имя любви (и красивый, мужественный тембр голоса вполне способствовал его восприятию как героя-воина); что-то подозревала томилая ревностью Амнерис М. Шуговой, стерлась не выдать себя, сдерживая чувства, М. Лапина-Аида...

Однако уже с первых нот арии *Ritorna vincitori*, дал себя знать темперамент М. Лапиной. Ее Аида заявила о себе как о выдающейся личности. Не забывая базовую робиню (пожалуй, девизом роли могла стать фраза, которую героиня произносит в третьем акте: *A costoro schiava pop sono!* — «Я не раба их!»), но действительно эфопоиска, то есть египетская царица, существо энергичное и мощно чувствующее. Она более привыкла повелевать, чем умолять, и ее конфликт с Амнерис — это спор равных, что отчетливо проявляется в сцене из второго акта. *Anch'io sonal...* — ее звездный час, и освещая, произнести *Che dissil mai? Pieta... perdono...* ее заставляет ясно не страх перед владетельной госпожой, а лишь изначальная необходимость притворяться и скрывать свое истинное положение.

В дуэтах же с Радамесом она может не притворяться. Пусть он не знает, что ее отец — царь, но свой властный (все-таки царский) характер в сцене на берегу Нила Аида-Лапина продемонстри-

рует в полной мере. (Не зря же последней каплей, заставившей ее уступить отцу, оказывается именно упрек *Non sai mia figlia — dei Faraoni tu sei la schiava!*) Она не просто разыгрывает обиду и недоверие, но настолько бурно негодует, что Радамес вынужден отступить перед этим напором и лишь смущенно оправдывается. И надо отдать ему (то есть, конечно же, М. Давыдову) должное — он очень чутко воспринял нестандартную ситуацию всей сцены, и традиционно воодушевленное *Odimi, Aida*, и дальнейший вдохновенный рассказ *Nel fiero anello di lingua guerra* прозвучал и как мольба о прощении, попытка объяснить разгневанной возлюбленной, что все еще можно исправить... Однако Аида непреклонна, и ее *Se tu m'ami* — не предложе-

М. Давыдов — Радамес.

ние, а жесткое условие, которое Радамес просто обязан выполнять.

Это условие и требование *Fuggi!* приводит его в полные остоленение, и он не может даже сдвинуться с места во время дуэта *Fuggiamo* — зато потом, когда Аида переходит к угрозам, протягивает Радамесу кинжал, направленный острием в собственную грудь... он, словно очнувшись от столбняка, лихорадочно, торопясь, захлебываясь собственными словами и как будто боясь передумать, начинает *Si fuggiam da queste mura...* Вот только совсем не замечает, что Аида в этот момент думает не о нем и уж никак не о побеге, а только о том, какой же дорогой пойдут египетские войска.

Новое испытание — появление Амнерис, — и снова реакция Радамеса-Давыдова нестандартна. *Tu — Amnerso? Tu — il re?* — произносится на с

М. Лапина — Аида.

указом, а, скорее, с недоверием, в то время как в памяти, видимо, прокручиваются сцены недавнего сражения, и глаза чуть прищурены, как обычно бывает, когда пытаешься кого-то уловить... Зато узнав, он не тратит время на причитания и истерические вопли (повалив себе одно только слово *Nimi!*), но начинает методично убеждать. *Che dissil — pop e ver, pop e ver, pop e ver!* Про себя же — лишь саркастическая усмешка *Sogno, delirio e questo*. Ему не свойственно отчаяние и бесподанные крики, поэтому горько *lo sol disonorato* — это не дань «переживаниям», а твердое убеждение, означающее для него отныне единственный выбор — смерть. И похоже, что даже не помня тут разоблачающая Амнерис, его Радамес предаст себя в руки жрецов — так ему валил сознание долг и чести воина.

Он и впрямь внутренне умер еще там, на Ниле, поэтому так бесстрастно встречает все уговоры Амнерис покаяться, забыть Аиду и жить. Поэтому лишь саркастическая, едва заметная усмешка тронет его губы, пока влюбленная царица будет заклинать *Tu dei vivere!*. *Sì, all'amar mia vivrai!* И, естественно, не станет он пытаться задуть Амнерис кандалами (что настойчиво делала другая Радамесы на премьерных майских спектаклях!) — якобы за смерть Аиды, на лице предвзвешивая как символ нынешнего состояния, в котором уже невозможны никакие благоприятные изменения, даже известие о том, что Аида жива.

Амнерис же М. Шуговой на протяжении всей этой драматичнейшей сцены продолжает держать себя владетельной царицей — и таковой же остается после ухода Радамеса. Единственное знакомое ей средство выразить эмоции — приказ, резкая реплика или угроза, но — пока еще — не мольба. И к себе она так же беспощадна, как и к другим, и себе винит с той же яростью — *il poter di colpire lo stesso lo petti!* в первый раз звучит как суровейшее обвинение. Однако осознание вины приводит и к раскаянию, и к новому мироощущению — и вот уже в последнем *io stessa poschiamisi* сдержанные рыдания... М. Шугова потрясшая убедительно сыграла и необходимость этого состояния для своей Амнерис, и то, что для нее отныне станет единственно возможным не повелевать, но умолять. *Nimi, pietà!* из ее уст не кажется чем-то чужеродным, и видно, что ей и впрямь открылось нечто новое и очень значительное.

В финальном дуэте Радамеса и Аиды открытие нового мира происходит всегда — как, собственно, и задумано Верди. Но Радамес-Давыдов сумел положить *O terra, addio!*, но сделав это в принципиально иной, совсем не страстно-героической манере, в которой его голос звучал весь вечер. Небесное успокоение нисходит на него — и вместо героического одушевления, стоической убежденности рождается сдержанность, приглушенность, просветленность...

И возник в тот вечер во многом отличный от традиционного спектакля «Аида» приобрела новые краски — а значит, новые исполнители появились в ней не зря.

М. Шугова — Амнерис.